

БЫДАНОВА НЕЛЛИ БОРИСОВНА

*кандидат философских наук, доцент кафедры психофизиологии и высшей нервной деятельности
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*

BYDANOVA N.

candidate of philosophical sciences, senior lecturer, department of psychophysiology and higher nervous activity of Saint-Petersburg state institute of psychology and social work

МЫШЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЯХ ПОЗНАНИЯ

THINKING IN MODERN COGNITION THEORIES

АННОТАЦИЯ. В данной статье дается характеристика современных теорий познания, которые изучают не только особенности познания, но и мышление, формирование мыслительных структур. Общим методологическим основанием для этих теорий является эволюционный подход. Особое внимание уделяется эволюционной эпистемологии.

ABSTRACT. The article analyzes the modern cognition theories dealing not only with cognition but also with thinking and cognitive structures forming. The evolutionary approach is the common methodological base of these theories.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивные науки, эпистемология, натурализованная эпистемология, генетическая эпистемология, эволюционная эпистемология, эволюционная биология, адаптация, априорные формы, поведенческие реакции, лингвистика, структуры мышления, культурная традиция.

KEYWORDS: cognitive sciences, epistemology, genetic epistemology, evolutionary epistemology, evolutionary biology, adaptation, behavioral reactions, linguistics, thinking structures, cultural tradition.

В ряде трудов по современной методологии науки нашел свое отражение подход, согласно которому определенные концепции биологии выполняют функции своеобразных моделей развития культуры. По аналогии с биологическим устройством живого организма сформировалась организационная модель мира, сыгравшая важную роль в понимании структурной организации бытия природы, общества, космоса.

Выделяются методологические программы, которые следует рассматривать как программы теоретического мышления. Для таких программ не существует предметных границ, они формируются на базе междисциплинарных или даже общекультурных аналогий, на базе переноса образцов или принципов одной области знания в другую. Богатый материал в данном случае дает теория происхождения видов Дарвина, так как, с одной стороны, она порождает установку на построение эволюционных концепций в самых различных областях знаний, а, с другой стороны, дает образцы конкретного механизма, который, оторвавшись от биологии, входит в арсенал мышления любого ученого.

Во второй половине XX в. исследованием мышления занимаются ученые самых разных наук. Прежде всего – это развитие компьютерной техники и соответствующей научной дисциплины,

занимающейся построением модели функционирования мышления (проблемы передачи, хранения, обработки знаний). Известность получили работы нейрофизиологов, связавшие сложные процессы перцепции со строением и функционированием нервных клеток. Антропологи, этологи, лингвисты ищут корни развития мышления человека и его познавательных способностей в социальном поведении, культурной практике, в овладении языком. К исследованиям мышления и познания подключились биологи и физики.

Многоплановость этих исследований выдвинула задачу создания единой науки о мышлении, получившей название «когнитивной науки». В качестве ее составной части, по мнению как философов, так и ученых, должна быть эпистемология.

Отличительной чертой современной эпистемологии является ориентация на конкретно-научное исследование проблем познания. Наиболее радикальной точки зрения придерживается У.Куайн, считающий, что эпистемология есть часть психологии, т.е. часть науки [1]. Другие менее радикальны и говорят только о связи философии и конкретно-научных исследований. Таким образом, здесь опять встает проблема природы, специфики философии, ее отношения к науке.

Основная тенденция в развитии современной эпистемологии может быть определена как стремление к объединению различных направлений, стремление объединить усилия в достижении позитивных результатов в изучении познавательных способностей человека и познания в целом. В современной эпистемологии существуют три основных направления: генетическое, натуралистическое и эволюционное [2].

Родоначальником генетической эпистемологии является Ж.Пиаже. Его идеи и разработки в области исследования процессов формирования мышления у ребенка легли в основу объяснения становления генетизма мышления человека вообще, они позволили поставить вопрос о реконструкции и развитии познания в историческом плане.

Главным ориентиром в построении генетической эпистемологии послужили идеи эволюционной биологии. Пиаже ищет способ описать процесс познания с точки зрения генезиса, динамики его структур и механизмов. Генетическая эпистемология, считает американский исследователь Китченер, берет в качестве объекта исследования закономерность формирования самого знания, т.е. когнитивных отношений между субъектом и объектом.

Эпистемология – это теория достоверного знания. Это познание рассматривается не как состояние, но как процесс, оно тем не менее всегда по сути своей есть процесс перехода от менее достоверного знания к более достоверному. Отсюда следует, что эпистемология с необходимостью должна носить междисциплинарный характер, так как исследование подобного процесса поднимает одновременно как вопросы факта, так и вопросы достоверности. Если бы речь шла только о достоверности, эпистемология не отличалась бы от логики; однако ее задача не является чисто формальной, но состоит в том, чтобы определить, каким образом познание достигает реальности, т.е. какие связи, отношения устанавливаются между субъектом и объектом. Если бы речь шла только о фактах, эпистемология свелась бы к психологии когнитивных функций, однако последняя не в состоянии решить вопросы достоверности знания. Поэтому первым правилом генетической эпистемологии является правило сотрудничества: изучая, каким образом возрастает наше знание, она в каждом конкретном случае объединяет психологов, изучающих развитие как таковое, логиков, формализующих этапы или периоды временного равновесия в этом развитии, и специалистов науки, занимающихся рассматриваемой областью знаний; к ним, конечно, должны присоединиться математики, обеспечивающие связь между логикой и этой областью знания, о которой идет речь, и кибернетики, обеспечивающие связь между психологией и логикой. Именно тогда в зависимости от успешности их сотрудничества и только как функция последнего могут быть удовлетворены и требования факта, и требования достоверности.

Отмечая заслугу К.Лоренца в создании эволюционной теории познания, Г.Фоллмер пишет: «Основные идеи эволюционной теории познания можно встретить уже у Дарвина и у многих более поздних авторов. В то время как большинство до-

вольствуется намеками, так как ни философы, ни биологи не осмеливаются продвигаться слишком далеко в чужую для них дисциплину, Конрад Лоренц в сороковые годы предпринимает решительную попытку объединить теорию эволюции и теорию познания [3].

При изложении биолого-эволюционной точки зрения в теории познания необходимо исходить прежде всего из понимания, базирующегося на логических предпосылках и сформулированного в основных работах К.Лоренца: «Кантовское учение об априорном в свете современной биологии» (1941), «Врожденные формы возможного опыта» (1943), «Оборотная сторона зеркала: естественная история человеческого познания» (1973). Лоренц исходит из биологической адаптации, возникающей в ходе эволюции, как определенного вида получения познания, поскольку она позволяет организму ориентироваться в среде и помогает ему формировать способы его поведения таким путем, который обеспечивает сохранение вида. В этом смысле познание – биологоэволюционный процесс, а в основе его лежат по сути дела, те же механизмы, о которых говорил Дарвин в теории видов.

Адаптация как «получение познания» обусловлена внутренней биологической организацией и средой, в которой живет организм. «Мировоззрение» и возможности познания мало, по Лоренцу, вывети из его генетической обусловленности, которая опять-таки сформировалась в процессе биологического развития на основе его жизнеспособной формы, сопричиненной условиями среды. Человеческое познание также относится к этому ряду биологической эволюции. И его можно понять лишь на основе этой эволюционной концепции. Развитие биолого-органической основы познавательных функций совершается параллельно с формированием специфически человеческих способностей, которые включают в себя соответствующие виду устойчивые формы и свободно строящиеся на их основе возможности развития познавательных систем, к которым относятся и различные научные системы.

Одним из важнейших источников эволюционной теории познания стала полемика ее сторонников с гносеологией И.Канта. Сущность «коперниканского переворота» Канта заключалась, как известно, в том, что вопреки преобладавшей ранее философской традиции, согласно которой возникновение и характер человеческого познания зависят от воздействия окружающего человека мира вещей, Кант переходит к толкованию мира вещей, связанных с нашим опытом, исходя из априорного характера самого познания. Кант это выражает в заключении 36-го «Пролегомена» (1783): «...мыслительные способности не черпают свои (априорные) законы из природы, но они ей их предписывают» [4].

Однако проблему происхождения этих априорных форм как средств познания Кант оставляет не до конца решенной. Именно в этом состоит известная «незавершенность», «белое пятно» в кантовской гносеологии, которое сторонники эволюционной теории познания не только критикуют, но и стремятся его позитивно заполнить своей гносеологической концепцией. По мнению Фоллмера,

учение Канта объясняет три важных момента современной гносеологии:

1. Вопрос, почему наше познание так хорошо подходит к природе и окружающему миру;

2. Как еще до накопления опыта, т.е. априори, мы можем знать о предметах опыта и структуре природы;

3. «Коперниканский переворот» Канта объясняет, почему мы находим и вообще в состоянии формулировать всеобщие, необходимые и истинные законы природы [5].

Биолог, уверенный в эволюционном развитии явлений природы, имеет, по Лоренцу, к кантовскому априоризму несколько принципиальных вопросов. Не является ли человеческий разум со всеми его созерцательными формами и категориями, как и человеческий мозг, чем-то органически возникшим на основе взаимодействия с законами окружающей природы? Не были бы наши априори, необходимые для мышления законы разума – при совершенно другом историческом пути возникновения и совершенно иначе формируемом аппарате центральной нервной системы – так же совершенно другими? И вообще возможно ли, чтобы общие закономерности нашего мыслительного аппарата совсем не были связаны с закономерностями реального мира? Может ли какой-либо орган, который в долговременном взаимодействии с законами природы был именно ради этого взаимодействия выделен и стал подчиняться лишь своим собственным закономерностям, остаться одновременно этим миром совершенно незатронутым и не испытывать на себе его влияния? Может ли учение об эмпирических явлениях, независимых от учения о «вещах в себе», развиваться так, как будто оба мира не имеют между собой ничего общего?

По Лоренцу, «подгонка» априорного к внешнему миру столь же мало исходила из опыта, как и «подгонка» рыбьего плавника к свойствам воды. Особенно любопытным и важным для дальнейшего исследования человеческого разума и мышления является вывод, к которому приходит Лоренц на основе своего понимания априорного: «У животных мы можем видеть гораздо более специализированное и узкое переформирование возможного для них опыта и считаем, что в силах показать тесное функциональное, возможно, и причинное родство между этими животными и нашими, человеческими «априори». Мы полностью согласны в Кантом в его несогласии с Юмом и считаем, что «чистая», от опыта независимая наука о врожденных мыслительных формах человека возможна [6].

Формы созерцания и категории, по Лоренцу, не являются, как это считал Кант, внеприродными, чисто мыслительными. «Скорее все наши формы созерцания и категории совершенно естественные и, как любой другой орган, филогенетически возникшие «сосуды» для приема и обработки тех закономерных воздействий «бытия в себе», с которыми уже не раз приходилось иметь дело, если бы мы хотели остаться в живых и сохранить свой род» [4].

Лоренц осознает известную противоречивость диалектики законов «чистого разума», поскольку наше доверие к ним, с одной стороны, ослаблено

достижениями современной физики и химии, но, с другой, например, биологией и психологией, – укреплено. При этом Лоренц отрицает их абсолютную силу действия, особенно что касается утверждения Канта о том, что любое мыслимое, разумное существо должно было бы руководствоваться такими же законами мышления. Лоренц считает, что это антропоморфистское преувеличение. Категориальная упаковка, или «коробка», в которую мы должны упаковать наш внешний мир, «чтобы можно было перечислять его по слогам как опыт...», не может претендовать на исключительность, автономность и абсолютную силу действия. Конечно, категориальные формы созерцания, несмотря на их всего лишь приблизительную и относительную действительность, оправдали себя как состоятельные рабочие гипотезы в познании реальной действительности. Этим объясняется тот крайне парадоксальный в любом другом изложении факт, что, хотя закономерности «чистого разума» в современной теоретической науке не всегда оказываются действенными, в биолого-практических требованиях борьбы за сохранение видов они почти целиком себя оправдали и оправдывают по сей день.

Релятивистский взгляд на то, что все человеческое знание – всего лишь рабочая гипотеза, не может умалить ценности уже проверенного знания. И хотя мы должны быть готовы к тому, чтобы выбросить за борт даже самые любимые наши теории, если этого требуют новые факты, – что означает отсутствие чего-либо абсолютно истинного, – все же, несмотря на это, каждое новое знание, любая новая истина означает шаг вперед. Раз и навсегда данное понимание тем самым с неизвестной до сих пор стороны, в связи с его новыми свойствами. Априорные формы созерцания и мышления, как и любой другой органический инструмент, должны рассматриваться как «унаследованные» рабочие гипотезы, истинность содержания которых находится в таком же отношении к абсолютному бытию, как и любая другая индивидуально созданная рабочая гипотеза, если при встрече с внешним миром она практически столь же блестяще подтвердила свою истинность.

Человеческое познание должно быть исследовано так же, как и другие достижения человеческого рода, возникшие в ходе исторического развития и служащие его сохранению, а именно как функция реальной, естественным путем возникшей системы, которая находится во взаимосвязи с реальным миром. В известной степени это означает попытку сделать человеческий дух предметом естественнонаучного рассмотрения. Подобные попытки, квалифицируются часто как «биологизм». Однако такой подход не несет вреда. Компетентно судить о специфически человеческих свойствах и достижениях можно только тогда, когда человек рассмотрен глазами естествоиспытателя как продукт естественного процесса развития.

Ответ, вытекающий из данных эволюции: организация чувственных органов и нервов, которая позволяет живому существу ориентироваться в мире, возникает в результате приспособления к реальным данностям, которые воспринимаются нами как пространство феноменов. «При всем различии

в степени соответствия между образами мира и действительностью, мы ни на минуту не должны забывать, что уже в самых примитивных «сплетениях» органических приспособлений для отражения мира отражается действительное». По мнению Лоренца, это важно подчеркнуть потому, что мы сами используем эти различно действующие приспособления одни на ряду с другим. Прогресс в исследовании природы всегда имеет определенную тенденцию к деантропоморфизированию наших образов мира. Однако это не может уменьшить значения и ценности наивно реалистических или еще более примитивных мифических и религиозных форм отображения мира, поскольку все они имеют отношение к абсолютно существу.

Лоренц считает, что и не наглядные представления, например, математического природоведения, не отражают действительности с более высокой степенью точности и не приблизились к «вещи в себе» ближе, чем наивные наглядные представления. «Прогресс» от более простого к более сложному заключается здесь – причем, как и в любом другом месте, – в том, что к прежним определениям присоединяются другие, новые... Речь идет лишь об изменении точки зрения, но не о приближении к абсолютно-существу, поскольку примитивные реакции одноклеточного для всех организмов, так же как вычисления математика, занимающегося теоретической физикой.

Констатация общечеловеческих форм движения и форм социального поведения позволяет предположить, что они запрограммированы филогенетически и устанавливаются наследственно. В связи с этим Лоренц выделяет две ветви исследования:

1. Исследование различных поведенческих реакций (приветствие, прощание, спор, радость, страх и т.д.). Эти формы выражения универсальны. Они едины и для пауза, и для высококультурного европейца;

2. Лингвистика, исследование языка и его логики.

Все люди, всех народов и культур, имеют врожденные определенные структуры мышления, которые лежат в основе логической структуры языка и определяют логику мышления. Эти структуры проявляются также при обучении слепоглухонемых детей. Вследствие этого рушатся защищаемые некоторыми антропологами теории о том, что все социальное и коммуникативное поведение людей определяется исключительно культурными традициями. «Они (эти устойчивые нормы поведения) образуют осто, определенный скелет нашего социального, культурного и духовного поведения и определяют тем самым формы человеческой социальности [7].

Человек по своей природе есть культурное существо, т.е. для того чтобы многие биологические и наследственные структуры могли функционировать, нужна культурная традиция. Конкуренция между культурами была важнейшим фактором, способствовавшим формированию людей с высоким уровнем интеллекта, духовных способностей, изобретательности и т.д. Весьма вероятно, что именно с этим связано стремительное увеличение головного мозга. Для нормального функционирования культуры необходимо достигать равновесия между факторами, сохраняющими традицию, и факторами, ее разрушающими и обновляющими.

Жизнь в интерпретации эволюционистов по сути совпадает с познавательным процессом. Лоренц даже говорил о том, что жизнь – это процесс получения информации. Любые живые существа обладают системой врожденных диспозиций «априорных» когнитивных структур, формирование которых осуществляется в эволюционном процессе. Уровни получения информации, совпадающие с уровнями жизни, включают в себя генетическую информационную систему (механизм репликации ДНК), невральную и ментальную информационные системы.

Различные формы эпистемологии образуют сегодня органическую составляющую современной западной философии: ее главная цель и содержание – стремление опровергнуть существование теории познания как относительно самостоятельной философской дисциплины. Отправной точкой возникновения натурализованной эпистемологии был подрыв доверия к возможности создания гносеологии как основной и самостоятельной философской дисциплины, имевший место в период возникновения неопозитивизма в 20-30 годы XX века. Кроме того, быстрое развитие интеграции специального научного знания в таком его обобщенном виде, как кибернетика и общая теория систем, развитие биологического и психологического исследований вели к попыткам заменить с этих позиций философски сформулированную теорию познания. В этот идейный круг можно включить, кроме концепции «естественной истории человеческого познания» Лоренца, и генетическую эпистемологию Ж.Пиаже, а в последнее, послевоенное время – критический реализм К.Поппера, общую теорию систем Берталанфи, натурализованную эпистемологию Х.Куайна, синергетику Хакена, биологическую гносеологию Ридля и Матурана и некоторые другие родственные направления, появившиеся в концепциях известных философов естествоведов.

1. Naturalising epistemology//Ed by Kornblith H.-Cambridge (Mass.), London, 1985. – VII, 303 p.
2. Словарь когнитивных терминов. М., 1996. С.1194.
3. Фоллмер Г. Эволюция и проекция – начала современной теории познания // Эволюция, культура, познание. М., 1996. С.39.
4. Кант И. Прологомены. Соч. в 8 т. М., 1994. Т.4. С.80.
5. Vollmer G. Was können wir wissen? Stuttgart, 1985-86. S. XXIII.
6. Lorenz K. Kants Lehre. Munchen, 1978. S.82-83.
7. Лоренц К. Обратная сторона зеркала // К. Лоренц. Так называемое зло. М., 2009. С.514.